

Оказалось, что месяцы обучения основам современного мира не прошли даром. По крайней мере, когда взревел двигатель, троица, сидевшая в автобусе, не выпрыгнула в паническом ужасе. Лишь когда машина тронулась и пейзаж за окном начал стремительно меняться, император с трудом повернул голову и стал смотреть сквозь стекло на проносившиеся мимо деревья. Деревня Счастья была образцовым примером заботы об экологии в их провинции, и горожане часто приезжали сюда на выходные. Но для государя главным объектом внимания были отнюдь не горы, реки, цветы или птицы.

— ...Какой длины эта императорская дорога? — наконец тихо спросил он, когда транспорт свернул.

— Императорская дорога? — Му Ци на мгновение замер, а затем понял, о чём говорит император. — Это не императорская дорога, это шоссе.

— Шоссе? А разве шоссе — это не те дороги, что в деревне?

— То — просёлочные дороги, просто выровненная земля, залитая кое-как цементом, чтобы могли проехать электромобильчики для стариков и небольшие грузовики, — объяснил Му Ци.
— А это — шоссе провинциального значения, по нему ходят пассажирские и грузовые перевозки, поэтому оно, конечно, должно быть ровнее.

Здесь молодой человек сделал паузу. Он хотел было добавить, что и просёлочная дорога, и провинциальное шоссе коренным образом отличаются от «императорской дороги» в представлении императора. Ханьские императорские дороги строились для проезда Сына Неба, и только правитель и его посланники имели право ими пользоваться. Даже такие знатные особы, как наследный принц Вэй и Великая старшая принцесса, осмелившись ступить на неё, должны были в страхе просить прощения, что порой становилось причиной будущих дворцовых интриг. А вот если бы наследный принц Вэй выехал на современное шоссе, ему бы в лучшем случае грозил штраф, лишение прав и административный арест — если бы он вообще остался жив.

Очевидно, обсуждать такие щекотливые темы в присутствии посторонних было бы слишком рискованно, можно было ненароком спровоцировать у собеседника нервный срыв. Му Ци, поколебавшись, промолчал, и заблуждение императора У-ди осталось неразвешанным. Глядя в окно на широкую и ровную дорогу, тот снова задал самый волнующий его вопрос:

— Какой длины это «шоссе»?

— Это всего лишь ответвление провинциальной трассы. Если считать с основной дорогой, то, наверное, около восьмисот километров.

Император У-ди замолчал, очевидно, мысленно пересчитывая семьсот с лишним километров в

привычные ему единицы измерения. И по мере того, как он осознавал результат, выражение его лица становилось всё более странным и непостижимым.

Как говорится, человек не может представить то, чего не понимает. Для императора автобус, в котором он сейчас сидел, был, конечно, чудом техники, но именно потому, что он был слишком чудесным, слишком непостижимым, он казался нереальным. А вот «императорская дорога» — совсем другое дело. Правитель сам руководил строительством таких дорог и прекрасно знал, каких огромных ресурсов это требовало и какой поразительный эффект давало. Переведа расстояние в привычные ему меры, он понял, что это всё равно что проложить императорскую дорогу от Гуаньчжуна до самой горы Яньчжи, где обитали сюнну. А это означало...

«Неудивительно, что их „почтовая система“ может дотянуться до каждого уголка страны»

Император медленно моргнул.

В мире всегда так: лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. И чем больше видишь, тем больше понимаешь. Глядя сейчас на ровную дорогу, змеившуюся по склонам гор до самого горизонта, государь, кажется, начал смутно догадываться, что означает это абстрактное книжное понятие — «производительные силы».

В деревне Счастья он не мог этого почувствовать. Да, деревня демонстрировала материальное изобилие, но изобилие в малых масштабах не было чем-то из ряда вон выходящим. В конце концов, во времена правления императоров Вэнь-ди и Цзин-ди, когда противоречия между человеком и землёй ещё не достигли предела, аграрная цивилизация жила вполне благополучно. Император У-ди в молодости видел, как процветали плодородные земли Гуаньчжуна, и поэтому полагал, что изобилие «современного мира» — это просто создание большего количества таких же «плодородных земель». Впечатляюще, искусно, но не более того.

Но сейчас, воочию увидев тысячекилометровую дорогу, он понял, что ошибался. Как правитель, который и сам любил грандиозные проекты, он прекрасно знал, чего стоит строительство широкой дороги. Во время похода на север, в пустыню, потери при транспортировке продовольствия и фуража на тысячи ли достигали двух третей. Чтобы сократить эти потери и обеспечить снабжение армии, двор построил дороги в Юньчжуне и Хэси, и одни только расходы на рабочую силу поглотили все сбережения, накопленные за семьдесят с лишним лет правления Вэнь-ди и Цзин-ди. Казна была пуста — и императорская, и государственная. Князья были разорены «законом о золотых подношениях», богатые купцы — жестокими чиновниками. Могучая государственная машина в буквальном смысле сняла со всех последние штаны, чтобы оплатить военные расходы.

Поэтому древний мудрец Сунь У был прав: крестьянин, работая на поле, в год потреблял всего один дань зерна, но если его отправляли на работы за тысячу ли, то только на еду уходило в десять раз больше. Плодородные земли Хань могли прокормить десятки миллионов человек, живших мирной жизнью, но стоило верхам затеять что-то масштабное, как приходилось закладывать последнее. А что до тысячекилометровой широкой «императорской дороги»... увы, если бы император У-ди в своё время решился на такое безумство, то в Преисподней ему

пришлось бы сидеть за одним столом с Ху Хаем.

Так вот в чём, оказывается, коренное отличие «современного мира». Две тысячи лет назад изобилие было хрупкой иллюзией, поддерживаемой богатыми природными ресурсами, благоприятной погодой и десятилетиями мира, и любой катаклизм мог её разрушить. А изобилие две тысячи лет спустя — это лишь побочный продукт колоссальных производительных сил. Этот мир тратил девяносто девять процентов своей мощи на грандиозные проекты, оружие и прочие диковинки, и лишь одного оставшегося процента было достаточно, чтобы с лёгкостью удовлетворить все базовые потребности.

«Им приходилось прилагать невероятные усилия, чтобы хотя бы приблизиться к тому, что другие делали играючи. Разве это не было огромной пропастью?»

Император остро ощутил это, и его охватило смутное чувство растерянности. Он, конечно, понимал, что за тысячу лет мир должен был измениться до неузнаваемости, но воочию увидеть эти перемены было всё равно что столкнуться с необъяснимой загадкой.

Эти мысли настолько поглотили его, что он, на удивление, замолчал и больше не комментировал проплывавшие за окном пейзажи. Хоу Чанпина, сидевший рядом, был человеком чутким и, заметив состояние императора, тоже погрузился в молчание. Сидевший сзади хоу Гуаньцзюнь и так был немногословен, поэтому всю дорогу в салоне стояла почти гробовая тишина, отчего Му Ци чувствовал себя несколько неловко.

Однако, спустя полтора часа пути, хоу Гуаньцзюнь тихо спросил:

— Господин Му, как долго может ехать этот... «автомобиль»?

— Это гибрид, — ответил Му Ци. — Если заправить полный бак и зарядить аккумулятор, он может ехать без остановки сутки, а то и больше.

— Гибрид?

— То есть работает на бензине и электричестве. Знаете, что такое бензин? А на крыше — солнечные панели. В ясную погоду они вырабатывают электричество и тоже помогают восполнять заряд.

Хоу Цюйбин слегка кивнул, очевидно, пытаясь вспомнить то, что он учил на уроках по основам современного мира. Когда он примерно понял, о чём говорит Му Ци, он повернулся и внимательно огляделся.

— На что вы смотрите, генерал? — с любопытством спросил Му Ци.

— На окна, — ответил Хоу Цюйбин. — Я думаю, если заменить кузов на толстые железные

листы, а окна сделать поменьше, то впереди будет сидеть водитель, а сзади можно разместить лучников, чтобы они стреляли во все стороны. Эффект будет...

— А?

В десять сорок пять,

Автобус остановился у сельскохозяйственной базы. Троица гуськом вышла из него, и их проводили к главному входу.

Учебный год только начался, и студентов-экскурсантов было мало, поэтому администратор базы быстро нашёл для них время. Но, проверив их заявку, он всё же не смог скрыть удивления:

— Вы хотите посмотреть на опытные поля с рисом?

— Да, — подтвердил Му Ци.

Администратор больше ничего не сказал, но в душе всё ещё удивлялся. Сельскохозяйственная база была открыта для посещения, и никаких сверхсекретных технологий там, конечно, не было. Но туристы приезжали сюда в основном ради развлечения, посмотреть на цветочные оранжереи, фруктовые сады, эксперименты по прививке растений и прочие диковинки. Мало кто интересовался рисом или пшеницей, тем более не заказывал для этого специальный автобус.

Конечно, обсуждать причуды клиентов было не в его правилах. Проверив билеты, сотрудник протянул им путеводитель. Му Ци взял его и на обложке аккуратно вписал имена (странно, он зачем-то написал их дважды — сначала традиционными иероглифами, потом упрощёнными), а затем раздал брошюры трем мужчинам, несколько раз напомнив, чтобы они их не потеряли. Его тон был настолько настойчивым, что тот напоминал воспитательницу в детском саду.

Трое мужчин убрали брошюры, а затем, подняв головы, с напряжённым вниманием уставились на висевший под потолком светильник в виде дыни. Это была местная достопримечательность: гигантский плод, выведенный путём скрещивания сладкой дыни и зимней тыквы. Его высушили, обработали от гниения и вставили внутрь электрическую свечу. Светильник не только создавал причудливую игру света и тени, но и источал тонкий аромат дыни. Но троица смотрела на него так пристально, что было ясно: их интересует не игра света.

В приёмной было тихо, и сотрудник мог расслышать обрывки их разговора.

— ...Даже в парке Шанлинь не было таких дынь, — сказал мужчина, стоявший в центре.

Человек рядом что-то тихо ему объяснил, но тот решительно покачал головой:

— Дело не в почве. В эту штуку может поместиться живой человек. Наверное, даже диковинки из заморских стран не сравнятся с ней. А ведь тогдашние заклинатели...

Он внезапно замолчал, и выражение его лица стало весьма неоднозначным. Му Ци, закончивший с подписями, кашлянул и неторопливо повернулся. Тот проигнорировал неловкую паузу, раздал путеводители и повёл троицу из приёмной через длинный коридор в главный зал.

По обеим сторонам зала были выставлены различные диковинные фрукты. Некоторые служили лишь украшением, другие можно было пробовать. Господин Лю с интересом оглядывался по сторонам. С момента своего перемещения в будущее император У-ди питал особую страсть к фруктам. В конце концов, в его время, чтобы доставить ко двору несколько мелких и невзрачных диких личи, в парке Шанлинь тратили тысячи золотых только на их пересадку и выращивание. А теперь сладкие плоды были доступны повсюду, что, конечно, не могло не радовать императора. Но сейчас, окинув взглядом зал, он вдруг скривился.

Его взгляд остановился на горке зелёных ююб. Кожица их блестела, они источали свежий аромат, и было очевидно, что они сочные и вкусные. Но дело было не во вкусе, а в размере. Благодаря многократной селекции и скрещиванию, эти новые ююбы были размером с кулак взрослого человека, почти как яблоки. И этот размер задевал правителя за живое.

— О, — услышал он тихий голос Му Ци. — Я помню, господин Лю очень любит ююбы. Не хотите попробовать?

Лицо господина Лю скривилось ещё сильнее.

«Почему он любил ююбы? Потому что, согласно учениям ханских заклинателей, регулярное употребление ююб могло даровать бессмертие!»

Конечно, в том, чтобы есть ююбы, веря в их магическую силу, не было ничего предосудительного. Но беда была в том, что в своё время заклинатель Ли Шаоцзюнь, втираясь в доверие к знати, утверждал, что встретил на Восточном море бессмертного Ань Цишэна, который ел ююбы размером с дыню. И император поверил в эту чушь и даже выделил заклинателю средства на поиски бессмертных за морями. Тогда этот поступок не казался ему чем-то особенным, но сейчас, вспоминая об этом, он испытывал такую неловкость, что хотелось сквозь землю провалиться.

«Вот что значит социальная смерть, занесённая в анналы истории!»

Без сомнения, небрежная фраза Му Ци была тонким намёком, мстью за все те мелкие козни, что император строил в последние месяцы. Император У-ди, смущённый и раздосадованный, метнул на него острый взгляд. Но Му Ци оставался невозмутим.

Очевидно, дальнейшее развитие этой темы было бы не в пользу государя. И, судя по его поведению, если Му Ци по-настоящему разозлится, он мог бы даже потратиться и дать этим юубам официальное название «Ююба Ань Цишэна», чтобы господин Лю и через две тысячи лет после смерти продолжал покрываться позором.

При этой мысли господину Лю оставалось только терпеть:

— Что ты хочешь нам показать? Поторопись!

<http://bllate.org/book/16002/1441664>